

Н.Е. Минина

«Нам всем подобает умирать за единый азъ...» (о взаимосвязи языка и обрядности в старообрядческом социуме)

Раскол русской православной церкви во второй половине XVII века, как известно, связан с церковной реформой, унифицировавшей обрядность и богослужебные книги.

Было ликвидировано двуперстное сложение, написание *Исус*, сугубая аллилуйя, восьмиконечный крест, хождение вокруг аналоя *посолонь* (по солнцу), богослужение (проскомидия) на семи просфорах, пение по крюкам, земные поклоны, строительство шатровых храмов, старорусские иконы и др. Таким образом, расхождения не восходили к догматам, были внешними, обрядными, но «в глазах наших предков обряд играл большую роль, и всем этим отступлениям они придавали огромное значение, смотря на них, как на «ереси» [1].

Для старообрядцев изменение обрядов означало измену самой вере, заветам предков, отказ от собственной истории, своих корней. Защита обряда представлялась им как защита и сохранение истинного православия («древнего благочестия»): «Нам всем подобает умирать за единый азъ...» [2]. От правильности буквы и обряда зависит спасение души человека, а правильными могут быть, по их мнению, лишь дониконианские обряды и книги, изданные только при первых пяти московских патриархах

О сути раскола русской православной церкви свидетельствует само слово *старообрядец*, имеющее выраженную внутреннюю форму. Это наименование официально признано самими сторонниками старообрядчества. В Беларуси параллельно встречается и другое официальное название – *старовер*.

Остальные наименования старообрядцы считают для себя оскорбительными:

слово *раскольники* используется лишь официальной православной церковью, встречается в миссионерской литературе, несет негативную оценку, подчеркивая «еретизм», отступление от истинных догматов православия;

москаль (*москаль*, *московка*) включает не только сему «старовер», но и сему «русский, пришелец из России (Москвы), чужой»; это название широко представлено на Витебщине;

именование *кацалы* встречается в южных областях Беларуси; это украинское прозвище великоруссов, этимологически включает приставку *ка-* и корень *-цал-* («козел»); бритому украинцу бородатый русский казался козлом [3].

Противостояние местных жителей-белорусов и пришельцев (*иноверцев*, что важнее всего) рождало взаимную неприязнь и даже оскорбления. Так, в среде старообрядцев родились следующие пренебрежительные наименования белорусов:

злёб (*злевоўка*) – «неверующий, неверующая»: *Злевоўка была, муж мой крестиў мяня в лубке* (д. Слобода, Витебский район), *Ета злёб называли* (д. Кулаково, Шумилинский район); восходит, скорее всего, к словам *зло*, *злой*, которые понимались шире современных: «не благо, худо, тьма» (ср. у В. Даля:

злоака – злая женщина, но *зловерие* – ложная вера, *зловерец*, *зловер*, *зловерка* – приверженцы ложной (злой) веры [4]);

погань – *оскорбит*. о нестарообрядцах, следовательно, по их мнению, не истинно верующих: *Раней паганей на горад даж не пускали* (д. Стриганцы, Витебский район); у В. Даля слово отмечено со значением «язычник, некрест» [4, т. 3, с. 153]; в исследуемых говорах имеет и другое значение – «кружка для гостей *иной веры*» (образование с нулевым суффиксом от «*поганый*»);

мужик, *мужичка* – необразованный человек, грубый; в прошлом, вероятно, таким именованием подчеркивалась подневольность белорусов, их крепостное положение в отличие от старообрядцев, большинство из которых оставались людьми вольными [5].

Стремясь к замкнутости, сохранению своей религии (и общины) от иноверцев, старообрядцы не только сохранили диалектные черты материнского говора, но и выработали свой, специфический социолект – замкнутую систему языка, понятную и заметную посвященным (не только в лексике, но и в фонетике и в грамматике), где работает принцип «свое – чужое».

Поскольку культ, обрядность (в узком смысле) – наиболее консервативная часть религии, передающаяся от поколения к поколению, постольку очень важным было сохранить как сами культовые действия, нормы выработанной веками культовой атрибутики, так и их названия, особенности произношения этих названий.

Рассмотрим некоторые из таких слов.

У беспоповцев, не признающих официальную церковную иерархию, все же есть своя *цэрква* (произносится с лексикализованным ассимилятивным смягчением; у В. Даля форма *церква* отмечена как новгородская [4, т. 4, с. 573]), *малельня* или *маленная*: *Пакойника для атпявания нясуць у цэркву* (д. Пыжи, Лиозненский район); *У малельню хадили и утрам и вечарам* (д. Ивановка, Городокский район); *Нясуть у маленную, паюць правады* (д. Кублишино, Миорский район).

Как ни парадоксально с лингвистической точки зрения, но у беспоповцев есть свой *пол*, или грамотный старик. Иногда это женщина – *попиха* (*У нас не пол, а попиха* (д. Ловжа, Шумилинский район). Быть попом – значит *поповать* (*Папавать стаў* (д. Заборье, Шумилинский район).

В моленной мужчины и женщины стоят по разные стороны, иногда разделенные перегородкой. Необходимые атрибуты при богослужении – *лестовка* и *подрушник*.

Лестовка – особые четки для отсчитывания молитв и поклонов: *У нас у кожнава есць лестаўки* (д. Ходьково, Россонский район); *Па лестафке моляцца, на кожанай вярёфке кожна кусочка* (д. Слобода, Витебский район).

В центре *лестовка* разделена кожаным треугольником на две неравные части. Общее количество уплотнений-отметок (*бобинок*) соответствует количеству поклонов (100). *Лестовку* обязательно надевают и покойнику на левую руку, а пальцы на правой руке складывают как при крестном знамении. Двенадцать *бобинок* на *лестовке* располагают на теле.

Зафиксированное нами вариантное название *лесенка* помогает прояснить этимологию. М. Фасмер вслед за А. Преображенским предлагает двоякое толкование происхождения слова «*лестовка*»: от *лѣства* (см. *лестница*) или от *леса* (бечевка с крючком; плетень) [3, т. 2, с. 487]. Диалектная форма *лесенка* позволяет склониться к первому варианту.

Подрушник – небольшой коврик, который кладется *под руки* при земных поклонах: *Ета у нас падрушник, штоб руки класть, кагда молимся* (д. Рубашки, Шарковщинский район).

Значителен пласт лексики, мотивированной элементом *бог*:

Божница – 1) икона: *Бажницю новую купили* (д. Далёкие, Браславский район); 2) угол в доме, где стоит икона, место для моления: *Эта бажница у нас, тут мы молимся* (д. Сеньково, Шумилинский район); 3) застекленная или открытая полочка, на которой стоят иконы: *Паклади ў бажницю* (д. Бор, Бешенковичский район).

Божественный дед – тот, кто исполняет функции священника: *Пригласили бажэсьтьвенных дедоф* (д. Слобода, Витебский район).

Богомаз – иконописец: *Богамазаў тапер нет, иконы купляныя* (д. Германовичи, Шарковщинский район). У В. Даля отмечено с отрицательной коннотацией: «плохой иконописец» [4, т. 1, с. 104].

Богоданный – 1) отец или тесть: *Боуданны – эта мой папа* (д. Ластовичи, Глубокский район); 2) батюшка, священник: *Богоданный – эта наш поп* (Витебск); 3) одаренный человек: *Ён дужа разумны, боуданны* (д. Плиссы, Бешенковичский район).

Богоданная – мать, теща: *Боуданная – эта мая мама* (д. Ластовичи, Глубокский район).

Боговый – хороший: *У той год лета было боуавае* (д. Слобода, Витебский район).

Бог – икона: *Там мае бауи стаяць* (д. Плиссы, Бешенковичский район).

Богославлять – благословлять: *Атец и мать багаславляють нивесту* (д. Ивони, Сенненский район).

Ошибочно сблизать с элементом *бог* лексему *баженить* «ругать»: *Бажанят сильна, ругають* (Кушлево, Шарковщинский район). М. Фасмер относит ее к словам с семой «желать, жаждать», отмечая подобные лексические варианты в украинском, польском и чешском языках [3, т. 1, с. 104].

Старообрядцев отличает очень уважительное отношение к книгам, прежде всего к духовным: считается, что следует помыть руки, прежде чем открыть книгу. По мнению исследователя русского раскола А.С. Пругавина, «без всякого преувеличения можно положительно утверждать, что в старинной Руси раскольник являлся умственно гораздо развитее, осмысленнее православного» [6] «Русский мужик в расколе получал своего рода образование, выработал своего рода культуру, охотнее учился грамоте... Как ни нелепы казаться могут нам споры о сугубой аллилуйе или о восьмиконечном кресте, но они изоощряли способность русского простолюдина: он мыслил, достигал того, что мог обобщать понятия, делать умозаключения», – отмечал и известный русский историк Н.И. Костомаров [7].

В каждой старообрядческой общине на территории Витебской области существовали и до сих пор существуют «семейные школы», где под руководством наиболее грамотных наставников детей учат читать церковнославянские книги, бережно сохраняемые в каждой семье и передающиеся по наследству.

Церковнославянский язык был для сторонников старой веры всегда самым авторитетным, образцовым, поэтому многие церковнославянские элементы встречаются в лексике, фонетике, грамматике, «украшая» речь обыденную, простую:

главатица (форма с неполногласием) – купол церкви: *Главатица – эта купал храма* (Полоцк);

свеща (щ на месте русского ч) – свеча: *Пры пакойнику нада свяшчы запалить* (д. Ивановка, Городокский район); *Ставюць чатыры свяшчи: в нагах, в галавы и в руках* (д. Сеньково, Шумилинский район); *Чатыры свяшчи к грабу ляпилися, тольки у нас так, у мужыках свяшчы ни ляпилися* (д. Плиссы, Бешенковичский район);

до днесь – по сей день: *Помню до днесь* (Лепель);

длань (форма с неполногласием) – ладонь: *Палажыть на длань* (Лепель);

одесный – правый: *Исус сидит па адесную сторану* (Полоцк);

вжэщи (щ на месте ч) – зажечь: *Мать гаварила: вжэщи свячу* (Полоцк);
вожды (жд на месте ж) – вожжи: *Вожды бяри ў руки* (д. Зайково, Глубокский район);

есень (начальное е на месте о) – осень: *Наступила есень* (Лепель).

Названия церковных праздников у старообрядцев не всегда совпадают с соответствующими в окружающих белорусских говорах.

Например, *Шостик* – название праздника Вознесения Господня, празднуемого в четверг на *шестой* неделе после Пасхи: *Шосцик – ета царкоўны празник* (д. Ластовичи, Глубокский район). Помимо компонента «шестой» его семантика включает, на наш взгляд, и компонент «восхождение, восшествие».

В говорах зафиксирован и лексический омоним данного слова: *шостик* (*шостак, ашостак, ашостик*) – часть русской печки – припечек: *Пастафь чугуна на шостик* (д. Матеша, Браславский район), локализованный на материковой русской территории в пределах псковских и новгородских говоров и возводимый этимологами к *шест* (*шост*).

Названия старообрядческой одежды – важный компонент обрядовой лексики.

Поп носит *азям, зям* (черный ритуальный халат на глухой скрытой застежке, без воротника), в такой одежде его и хоронят: *У цэркаф хадили скаронна, в зяме, багата не адявалісь* (д. Ластовичи, Глубокский район); *Поп надеў азям* (д. Кублищино, Миорский район).

Зафиксировано и иное его диалектное название – *дуда*: *На папе дуда – чорны халат* (д. Воронка, Шарковщинский район), появившееся, на наш взгляд, в результате метафоризации (внешнее сходство по форме с дудой, представляющей собой кожаный *мешок*, наполняемый воздухом)

Застежка на халате – *куплячок* (д. Германовичи, Шарковщинский район).

Женщины в церковь надевают *шубейки*, или *сарафаны* особого, прямого кроя, у спинки собранные в глубокие складки, а спереди слегка присборенные, конструктивно сходные с *шубкой* (только без рукавов): *У миня в моладасци адна толька шубейка і была, бедна жылі* (д. Раковцы, Шарковщинский район); *Маскофки насілі сарафан* (Витебск).

Шлейки и грудь сарафана (шубейки) выкроены из одного куска. На спине глубокий вырез – *жабка*: *Ззади на сарафани жабка* (д. Германовичи, Шарковщинский район). Это слово отмечено в материковых русских говорах со значением «ямка, лунка, дыра» [4, т. 1, с. 524].

Под грудью – завязки, или *кушак* (в данном случае широкая лента, полоса материи (тканая или вышитая), служащая опояской): *Насілі сарафаны і кушаком падвязваліся* (д. Слобода, Витебский район). Кушак (слово заимств. из тюркск. яз., встречается в русских памятниках с XVI в. [3, т. 2, с. 439]) использовался и в мужской одежде: православные мужчины, традиционно носившие рубаху навыпуск, подпоясывали ее поясом – кушаком. Опоясывалась и верхняя одежда, за исключением тулупа.

Под сарафан (шубейку) надевается *стануха* – длинная белая нижняя рубаха без воротника: *Стануха была харашо заштопана* (г.п. Видзы, Браславский район). Слово восходит к *стан* «верхняя половина женской рубахи» [4, т. 4, с. 312–313] и образовано с помощью форманта *-уха*, широко представленного в северо-западных русских говорах, в частности, в новгородских.

На голове у старообрядок не платок, а *плат*, черного цвета. Под плат надевают *кокошник* (д. Германовичи, Шарковщинский район), или *сборник* (д. Ластовичи, Глубокский район) – специально сшитую шапочку для замужних женщин, чтобы убрать (*собрать*) волосы. Концы плата не завязывают, а скрепляют *графочкой* – заколкой: *Дай графачку зач'аплю* (д. Воронки, Шарковщинский район).

В этом же ряду и названия погребальной одежды – *саван*, или *сряд* – все, что собрано на смерть (ср. *срядить* в путь).

Таким образом, старообрядцев как социальную группу, определенным образом организованный коллектив отличают ярко выраженные языковые доминанты, представленные на всех языковых уровнях – фонетическом, грамматическом и прежде всего лексическом. Сохраняя древнюю обрядность, они сохраняли и исконные слова-названия, осознаваемые как «свои», характеризующие их быт, уклад, веру и отличающие от иноверцев-соседей.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Платонов С.Ф.** Полный курс лекций по русской истории. – Петрозаводск, 1996. – С. 424.
2. **Кизиветтер А.** Протопоп Аввакум. – Ростов н/Д., 1904. – С. 13. Цит. по: **Короткая Т.П., Прокошина Е.С., Чудникова А.А.** Старообрядчество в Беларуси. – Мн., 1992. – С. 9.
3. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, стереотипн. В 4 т. – М., 1986–1987. Т. 2. – С. 213.
4. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. – М., 1978–1980. Т. 1. – С. 684.
5. **Витебская губерния.** Историко-географический и статистический обзор. Вып. 1. – Витебск, 1890. – С. 282.
6. **Пругавин А.С.** Старообрядчество во второй половине XIX века. – М., 1904. – С. 95.
7. **Костомаров Н.И.** История раскола у раскольников // Вестник Европы, 1871, № 4. – С. 469.

S U M M A R Y

Language dominants have been revealed on the samples of the Russian insular (old-believers'-raskolniks') dialects of Vitebsk region. These dominants vividly display the peculiarities of raskolniks' life and beliefs and old-believers treat them as primordial and they are not typical of the Belarusian dialect environment.